

Игорь Колтунов

Кошелек

Кошелек нет. Ладно, еще раз. Каждый карман. Особенно тот внутренний, с дыркой. Может, дырка разверзлась и поглотила его. Нет. Кассир смотрит на меня, как на нищего. Рюкзак. Все карманы, все отделения, еще раз. Кошелек нет.

– Извините, – говорю кассиру. – Кошелек потерял, – оставляю воду на кассе и выхожу на улицу.

Вдох, выдох. Где? То, что выпал по дороге, – исключаем. Карманы надежны. Значит, где-то оставил. Где? Идем назад, назад, катушка памяти проматывает пленку назад. Рынок на проспекте, импортные сигареты, запах кофе, книги по цене сапог. Назад. Стакан минералки на последнюю мелочь. Чуть не сбил зеленого велосипедиста. Назад. Книжный магазин. Достāju кошелек, беру две по пятьдесят и пять, кладу кошелек... на стойку перед кассой.

Иду в книжный магазин. Не смертельно. Банковские карты дома. Скидочная карта супермаркета – пропади она. Визитка стоматолога – туда же. Денег – около четырех сотен, а сам кошелек старый, похожий на рваное ухо уличного ветерана Барбоса. Кому он нужен? Лежит себе у продавщицы в ящике, ждет, пока хозяин придет. Не смертельно. Единственное – это та безделушка в тайном кармане на молнии. Безделушка, как любой подарок, не имеющая цены. Пришел.

– Здравствуйте, – говорю молодой крашеной продавщице. – Я у вас кошелек оставил около часа назад. Не находили?

– Нет, – продавщица от такого заявления привстала, а ее голос присел. – Ничего не находили.

– Вот здесь оставил, – коснулся стойки.

– Нет. Извините, но ничего не видела.

Вдох, выдох. Исчезнуть он не мог, значит, его кто-то взял. Смотрю по углам потолка.

– Скажите, эти камеры работают? – говорю так уверенно, что продавщица принимает меня самое меньшее за прокурора.

– Да.

– Можно взглянуть на запись?

– А... Минуточку, – она семенит в высоких сапожках, цокает и подтягивает джинсы там, куда все обычно смотрят. – Минуточку подождите. Валя!

Жду. Вдох, выдох. Может, упал? Смотрю под прилавком, сбоку прилавка. Замечаю, что одна из папок на столе лежит как бы на чем-то. Может, продавщица спрятала? Присел так, чтобы видеть, что под папкой. Ежедневник с закладкой-ленточкой. Встал. Нащупал в кармане чек на книгу и скатываю его в сосиску. Каблучки вернулись. За ними Валя в скользком фиолетовом платье.

– Посидишь на кассе? – спрашивает Валю и говорит мне: – Пройдемте со мной. Только я не знаю, как этим всем пользоваться.

Идем по ступенькам в подвальный зал.

– Я совсем не разбираюсь, а администратор магазина будет только в понедельник. Если честно, такое у нас впервые. Вы уверены, что именно у нас его оставили?

– Уверен.

Спустились в тот зал, где я выбрал книгу, которую в итоге купил. Дорогой получилась книжечка, раз в пять дороже, чем она стоит. Лучше бы я купил пять книжек.

Прошли служебную дверь. Маленький холодный склад. Коробки и книги на металлическом столике. На мониторе, что рядом, пятнашки из цветных картинок в прямом эфире. Рядом спящая мышка.

– Вот, собственно, – говорит продавщица. – Вы умеете пользоваться?

Беру мышку и клацаю по иконкам в углу экрана. Потом по картинкам. Продавщица уже подозревает, что никакой я не прокурор, и тут – оно. Нужная камера и ползунок времени.

– Время неправильно указано, – говорю.

– Да. Извините, но я совсем...

Смотрю на шкалу и отмеряю час назад. Нет. Чуть больше. Рука в кармане сворачивает бумажную сосиску в рогалик. Да. Вот я, поднимаюсь из нижнего зала, с книгой в руке, останавливаюсь, ставлю правую ногу на пару ступеней перед собой и нагибаюсь завязать шнурок. Забавно наблюдать за собой, особенно когда ты рассеян. Завязал шнурок.

– Это вы, – говорит продавщица.

Пошутить бы, но нет настроения. Подхожу к кассе. Вот продавщица, болтает с молодым покупателем в ямайской шапке. Парень засунул большие пальцы за ремень, а указательными указывает вдоль желтых штанин.

– Да, я вспомнила. Этот парень стоял.

Замечательная у девушки память. Кошелек уже на стойке. Продавщица стреляет в книгу кассовым пистолетиком, берет деньги. Кошелек на стойке. Ставлю рюкзак на поднятую ногу и прячу в него книгу. Ухожу. Парень в шапке играет широкими плечами, машет воображаемой клюшкой. Девушка веселится. Проходит минуты две. Продавщица за моей спиной цокнула по плитке.

– Может, ускорить? – спрашивает.

Ускоряю. Бумажный рогалик стал липким колобком. Пальцами чувствую, какой он грязный и влажный. Вдох, выдох. Точно он. Вот он дважды покосился на стойку. Бери уже, Казанова, или как там вас на Ямайке называют... Берет и рассматривает, что-то спрашивает девушку, она раздвигает воздух.

– Точно. Он, кажется, спрашивал меня, что за кошелек.

Вертит и вертит рваное ухо несчастного Барбоса. Снял шапку. Видимо, загорелась. Сменил позу на более смирную.

– Много в кошельке было? – продавщица спрашивает.

– Тысяча долларов.

Слышу, как она застыла. Хорошо. Может, помолчит немного. У парня на экране чешутся руки. Не могут они не чесаться. И он их чешет, по-своему. То затылок погладит, то карман проверит на наличие катышков, то прихлопнет мой кошелек, как будто он – сказочный самотряс. Что-то плетет, веселит, приукрашивает. Как болтливый фокусник отвлекает экранную девушку от кошелька. Девушка за моей спиной слышно вздыхает. И мне

неудобно – следить, как оплетают мою помощницу. Я как будто подглядываю за двумя собачками, играющими в зодиакальных рыб.

Ушел. Улетел на Ямайку. Вместе с кошельком.

– Вы его знаете? – спрашиваю.

– Да не особо, – врет. – Его зовут Дима. Он знакомый одной девочки, которая здесь работала.

– Значит, через нее вы можете узнать номер его телефона?

– Да, как бы могу, – обнимает себя. – Надо только ее номер поискать.

Выходим из холодного склада. Со столика распродажи надо мной смеется годовалое дитя. Удачная обложка.

Поднялись. Фиолетовая Валя отбросила смартфон, как школьник сигарету, и встретила нас скорбящей улыбкой.

– Значит так, – говорит продавщица. – Я попробую с ней связаться. Но не знаю, как скоро я найду ее номер. Давайте вы свой номер оставите, а я вам сообщением скину, когда узнаю.

Оставляю номер, благодарю и выхожу на улицу. Вдох, выдох. Прохожие безразличны. У них-то кошельки при себе. Достая из кармана грязный бумажный колобок. Бросаю в урну у входа и чувствую – хребет пронзает вдоль сухая сосулька. Озарение. Зачем ему рваное ухо? Он бы вытащил деньги и выбросил его. Смотрю в урну. Аккуратная, можно порыться. Использую пластиковую бутылку из урны как половник. В голове играет песня о Ямайке. Прохожие вдруг заинтересовались мной. Смотрите, смотрите. Так выглядит отчаяние. Кошелек в урне нет. Соседняя. Тоже нет.

Иду по улице и напеваю про себя. Только тихо, чтобы далекая Ямайка не откликнулась. Вот еще урна. Смотрю. На копченом дне два окурка. Иду дальше. Сосулька уже растаяла под ямайским солнцем. Опять урна. Из пачки чипсовых крошек выглядывает рваное ухо. Смотрю на светофор. Вдох, выдох. Урна. Да, это мой кошелек. Достая. Денег нет, скидочные карты на месте, как и визитка стоматолога. Тайный карман на молнии – безделушка тоже здесь. Она не могла не найтись.

В кармане запела птичка. Достая телефон. Сообщение с номером Казановы. Мысли сплетаются, как спагетти в кипящей кастрюле. Что же ему сказать? Оскорбить? Посмеяться над ним? Или поблагодарить? Спасибо вам, что выбросили мой кошелек

недалеко от магазина. Это было очень вежливо с вашей стороны. Как поживаете? Как ваша совесть? Вам стыдно? Не может быть. Совесть, которая стоит четыреста гривен, – беззубая. Не может она вас грызть. Желаю вам удачи с той конфеткой из книжного. Надо присесть. Пусть спагетти остынут.

Присел в тихом двухэтажном дворике с развешанными простынями и сытыми котами. Мести – от самых кровавых до самых абсурдных – по очереди прошлись по подиуму моей фантазии. Я выбрал леди в полицейской форме, без пафоса морали, скромную, но влиятельную. Причесал ее так, как мне нравится, припудрил нотки шантажа, научил наглости и придумал ей фамилию. Набрал номер из сообщения.

– Да.

– Дмитрий? – делаю басовый голос.

– Да, здравствуйте.

– Добрый день. Старший следователь Гришко, Приморское РУВД.

– Да, – задышал в трубку.

– Передо мной тут сидит молодой человек, чей кошелек вы около полутора часов назад вынесли из книжного магазина на Екатерининской. Припоминаете?

Дрожат руки. Приятная дрожь. Леди в полицейской форме одобритительно кивает.

– Послушайте...

– Это вы послушайте, – грозно кашляю. – На видео с камер наблюдения в магазине четко видно, что вы взяли кошелек потерпевшего со стойки возле кассы. Или вы это отрицаете?

– Нет. Но я не крал его.

– Дмитрий, давайте говорить буду я. Хорошо?

Пауза.

– Хорошо.

– Я не хочу открывать дело. И вам проблемы, и мне – бумажная волокита. Да и потерпевший не настаивает. Я вот что предлагаю. Вы ту сумму денег, которая была в кошельке, перечисляете либо на телефонный номер потерпевшего, либо на его банковскую карту. Перечисляете немедленно. Вас устраивает такой вариант?

– Да, но, товарищ следователь, я клянусь...

– Дмитрий. Мы договорились?

Нервно выдыхает.

– Договорились.

– Куда перечислите деньги?

– Давайте... Неважно. Куда ему удобно?

– Потерпевшему?

– Да.

Прикрываю телефон и бурчу, как сонный великан. Открываю телефон.

– Записывайте номер телефона, – диктую свой второй номер. – Записали?

– Да. Товарищ следователь...

– Потерпевший сидит у меня и ждет, пока на его счет не придет шестьсот гривен.

– Шестьсот? Подождите, там было четыреста.

– Дмитрий, – понижаю голос до предела. – Вы что, издеваетесь? Потерпевший утверждает, что в кошельке было шестьсот гривен. Если вы обвиняете его во лжи, я сейчас же выписываю на ваше имя повестку, и мы делаем вам очную ставку. Заодно снимем ваши отпечатки и сверим их с теми, что на кошельке. Это не займет много времени, – пауза. – Поверьте, Дмитрий, я вам предлагаю самое правильное решение. Не губите себе репутацию.

Сопит в трубку.

– Хорошо, я перечислю.

– В течение пятнадцати минут. Я жду.

Сбрасываю звонок и делаю самый глубокий вдох за сегодня. Леди машет мне рукой и исчезает, как пар. Уши пекут, ладони влажные, злодей наказан, простыни свежо колышутся. Сытая кошка бодает мою ногу. Выхожу из дворика и гляжу на прохожих. Они все так же безразличны. Птичка в кармане. Мой телефонный счет пополнен на шестьсот гривен анонимным благодетелем. Мне и за год столько не выболтать. Хороший день. Правда, домой придется идти пешком. Кошелек-то пустой. Хорошо, что до дома ближе, чем до Ямайки.

